

фронту к сосредоточению основных усилий на наиболее важных направлениях (участках). Возрастала роль маневра силами и средствами в ходе боя. Его важнейшей составной частью становятся контратаки.

В годы войны четко выявилась тенденция возрастания роли дивизионной инстанции в вопросах организации оборонительного боя. Это позволило существенно улучшить взаимодействие между оборонявшимися частями и родами войск. Приближение пунктов управления к боевым порядкам способствовало повышению устойчивости и оперативности управления войсками.

К концу войны оборонительный бой [7, с. 68] приобрел характер общевойскового, успех в котором достигался только в результате совместных усилий всех участвовавших в нем родов войск.

Библиографический список

1. История войн и военного искусства: учеб. / С.С. Лотоцкий [и др]. — М.: Воениздат, 1970.
2. Строков, А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914—1918 гг.) / А.А. Строков. — М.: Воениздат, 1967.
3. История военного искусства: учеб.: в 3 кн. / В.Ф. Воробьев [и др.]. — М.: Воен. акад. им. М.В. Фрунзе, 1961—1963. — Кн. 1.
4. Строков, А.А. История военного искусства / А.А. Строков. — М.: Воениздат, 1966.
5. Строков, А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне / А.А. Строков. — М.: Воениздат, 1974.
6. История войн и военного искусства: учеб. для воен. акад. Сов. Вооруж. Сил / Б.В. Панов [и др.]. — М.: Воениздат, 1964.
7. Развитие тактики оборонительного боя русской армии в первую мировую войну// ВИЖ. — 1986. — № 6.

Тригубович Виктор Викторович, Шатько Вячеслав Иванович
Военная академия Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

«ПОЗИЦИОННЫЙ ТУПИК» И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Первая мировая война опровергла прежние, основанные на опыте XIX в., стратегические теории о возможности завоевания победы путем разгрома сил противника в одном или нескольких генеральных

сражениях. Ход военных действий в кампании 1914 г. показал крушение стратегических расчетов противников. Война развивалась совсем не так, как это представляли себе правительства и военное руководство воюющих государств. С конца 1914 г. на западном (французском) и с конца 1915 г. на восточном (русском) фронтах маневренный характер военных действий сменился позиционным [1, с. 715].

Возникла новая форма ведения войны — длительная борьба на сплошных позиционных фронтах. Многомиллионные армии имели достаточно сил, чтобы создать и удерживать такие фронты, но в их распоряжении еще не было мощных ударных средств, при помощи которых можно было бы сокрушить позиционную оборону. На некоторый период сложилась обстановка, когда оборона оказалась сильнее наступления. Военное искусство оказалось в «позиционном тупике» [2, с. 161].

Причины возникновения «позиционного тупика» заключались в следующем. Основной формой оперативного маневра являлись охваты и обходы открытых флангов противника, которые, по замыслу, должны были привести к его окружению. Идея действий против флангов, стремление к совершенствованию глубокого охватывающего маневра (двустороннего или одностороннего) были господствующими. В большинстве случаев из-за недостаточного количества выделяемых сил, медленных темпов продвижения и слабости управления задуманные маневры на флангах не получали развития, и войска вынуждены были применять фронтальные способы наступления. Поэтому практически все операции армий маневренного периода войны выливались во встречные сражения (1-й армии Северо-Западного фронта — у Гумбиннена, 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта — соответственно под Красником и у Томашева и т. д.) [3, с. 7].

В позиционный период войны при отсутствии открытых флангов единственной формой маневра в наступлении стал фронтальный прорыв неприятельской обороны, глубина которой по мере возрастания мощи и дальнобойности артиллерийского огня увеличилась до 7—9 км и состояла из трех оборудованных в инженерном отношении позиций. Каждая из них имела в свою очередь по две-три сплошные траншеи, по несколько опорных пунктов. Чтобы прорвать неприятельский фронт, необходимо было иметь в месте прорыва решающее превосходство сил. А такого превосходства не сумела создать ни одна из воюющих сторон [4, с. 67].

Были ли попытки решить проблему «позиционного тупика»? Были, и многократно.

Например, в поисках выхода из «позиционного тупика» германское командование в наступлении у Ипра 22 апреля 1915 г. применило отрав-

ляющие вещества. Союзники, не ждавшие такого нападения, были совершенно беззащитны против нового оружия. Но германцы не сумели использовать первоначальный успех. Первая в истории газовая атака оказалась недостаточно подготовленной, и химическое оружие не решило проблемы успешного выхода из позиционного тупика [5, с. 38].

Осеннее наступление союзников 1915 г. в Шампани и районе Артуа готовилось как операция большого размаха. На избранных участках прорыва были сосредоточены сильные группировки войск, артиллерии и авиации. Например, при наступлении пехотные дивизии действовали в полосах 1,5—2 км; плотность артиллерии достигала 50—60 орудий на 1 км фронта. Артиллерийская подготовка длилась несколько суток, причем огонь велся по площадям на глубину первой позиции противника. Однако эти операции, несмотря на огромное количество затраченных средств и большие потери, успеха не имели. И в Шампани, и в Артуа наступающей пехоте удалось овладеть только первой позицией противника, полностью разрушенной артиллерией во время многодневной артиллерийской подготовки. Попытки преодолеть последующие позиции, плотно занятые подошедшими резервами, не имели успеха [6, с. 213—214].

Попыткой выхода из «позиционного тупика» путем прорыва позиционного фронта германской армией являлась и Верденская операция 1916 г. В целях достижения внезапности подготовка к операции велась скрытно. Сосредоточение и развертывание войск, имевших многочисленную артиллерию, всячески маскировались. Чтобы отвлечь внимание от развернувшейся на участке 5-й армии подготовки к операции, другие армии Западного фронта получили задачу приковать противника небольшими операциями на своих участках. Однако достичь внезапности германским войскам так и не удалось [7, с. 433].

Прорыв обороны французских войск планировалось осуществить на узком 8,5-километровом участке фронта. На участке прорыва немцы сосредоточили три корпуса (7-й резервный, 18-й и 3-й — шесть дивизий), 946 орудий и 152 миномета, чем обеспечили тройное превосходство над французами в живой силе и семикратное в артиллерии. Сосредоточение такого количества артиллерии и минометов в наступлении осуществлялось в войне впервые [2, с. 138]. Однако следует отметить, что изолированный прорыв на узком участке при существовавших технических средствах прорыва не принес наступающему успеха. Обороняющийся успевал подводить к участку прорыва свои резервы и не только закрывать брешь, но и мощными контратаками не допускать перерастания тактического прорыва в оперативный [7, с. 439—440].

Под Верденом впервые получили широкое применение легкие пулеметы, ружейные гранатометы, огнеметы и химические снаряды, велась энергичная борьба за господство в воздухе, применялись штурмовые действия авиации. Пехота в наступлении строила глубокие боевые порядки и создавала штурмовые группы. Впервые с помощью автомобильного транспорта производились оперативные перегруппировки войск [2, с. 140].

Операция на Сомме, продолжавшаяся в течение более чем 4 месяцев, была одной из крупнейших по численности участвовавших в ней войск и применению боевых средств — тяжелых орудий и самолетов. В данной операции впервые на стороне англо-французских войск участвовали танки — новое могучее средство войны. И тем не менее операция не принесла победы англо-французам. Позиционный фронт преодолен не был. Потеряв 794 тыс. человек убитыми и ранеными, англо-французские войска продвинулись лишь на 5—12 км, но прорвать оборону противника так и не смогли [8, с. 444].

Несостоятельность искусства использования войск англо-американским командованием при осуществлении прорыва выразилась в общем равномерном распределении сил и средств по фронту наступления, в отсутствии наращивания усилий в ходе операции на направлении главного удара. Оборона противника преодолевалась последовательно [7, с. 454—455].

Применение огневого вала явилось новым эффективным средством поддержки пехоты и крупным шагом в боевом использовании артиллерии. В ходе операции был сделан большой шаг в развитии авиации. В управлении войсками получила признание радиосвязь.

В основу английского плана в операции у Камбрэ 1917 г. был положен принцип внезапного удара танками без предварительной артиллерийской подготовки. Впервые танки должны были самостоятельно прорвать укрепленные позиции германцев. Для развития успеха намечалось ввести кавалерийский корпус с танками. Планом предусматривался выход в тыл противнику. Участок прорыва был выбран шириной 12 км [2, с. 151—152].

Хотя операция, проводимая силами 3-й английской армии, закончилась безуспешно, она внесла много нового в оперативное искусство и тактику. Мероприятия по оперативной маскировке позволили скрытно сосредоточить ударную группировку войск и достигнуть внезапности наступления. В построении армии появился второй эшелон, предназначенный для развития тактического прорыва в оперативный. Прорыв позиционной обороны осуществлялся путем массированного удара танков при активной поддержке артиллерией и авиацией.

С операцией у Камбрэ связано ведение общевойскового боя, основанного на взаимодействии пехоты, артиллерии, танков и авиации. Групповой боевой порядок позволял маневрировать небольшими группами в глубине обороны противника [9, с. 491].

Утверждения военачальников и теоретиков о том, что позиционный фронт рухнет, если прорвать его хотя бы на одном направлении, не оправдались. Операция у Камбрэ показала, что тактический прорыв сам по себе не обеспечивает успеха. Возникла проблема развития успеха в глубину и в сторону флангов, однако решить эту проблему английское командование не смогло [2, с. 152].

Попытка прорыва фронта противника и выхода на оперативный простор с развитием операции на большую глубину планировалась немецким командованием в ходе их наступательных операций 1918 г.: в Пикардии на р. Сомма (мартовское наступление) и во Фландрии на р. Лис, на р. Эн и на р. Марна. Немцы стремились внезапным ударом взломать позиции противника и, развивая маневр, выскочить из «позиционного тупика». Решение задачи разгрома англо-французских войск было намечено осуществить не одновременными ударами, а нанесением последовательных ударов. Последовательные удары позволяли противнику свободно маневрировать резервами, направлять их на один прорываемый участок фронта, остановить наступление и подготовиться к отражению следующего удара.

Однако проведенные операции, несмотря на огромное насыщение их силами и средствами, в оперативном отношении оставались незавершенными. Достигнуть успеха в оперативной глубине не удавалось по причине отсутствия таких подвижных средств, как танки и конница [7, с. 577—578].

Наступательные операции, проводимые союзными армиями на Западном фронте на завершающем этапе войны, проходили при подавляющем превосходстве сил и средств, при массовом применении танков, самолетов и широком использовании артиллерии. Союзное командование благодаря нанесению последовательных ударов успешно осуществляло прорыв, а затем и разгром германских войск. Такая форма прорыва позиций противника оправдала себя. Обороняющиеся, будучи не в силах противостоять войскам Антанты, откатывались, оставляя одну позицию за другой [7, с. 654].

Были и другие попытки прорыва позиционной обороны, однако большинство из них также не были успешными. Ближе всех к решению проблемы прорыва тактической обороны и развития тактического успеха в оперативный подошел командующий войсками русского Юго-За-

падного фронта генерал А.А. Брусилов и его штаб. В ходе наступления в полосе 550 км против австро-венгерской группы армий войска фронта с 22 мая по 13 августа 1916 г. продвинулись на глубину 80—120 км. Средний темп наступления составлял 1—1,5 км в сутки. Достижение этого оперативного успеха было обеспечено скрытной, тщательной подготовкой операции и умелым использованием данных аэрофото-разведки системы обороны противника. Прорыв обороны противника был осуществлен на 13 участках (4 армейских и 9 корпусных) одновременно. Это лишило противника возможности заранее определить направление главного удара войск фронта и своевременно осуществить маневр своими силами и средствами на угрожаемое направление [10, с. 38—39].

Таким образом, в Первой мировой войне применялись следующие формы прорыва укрепленных позиций противника: изолированный прорыв на узком фронте (1914 г.), прорывы на узких разобщенных фронтах по сходящимся направлениям (1915—1917 гг.), ряд частных прорывов на широком фронте с одним прорывом на главном направлении (1916 г. — Брусиловское наступление), прорыв на расширенном фронте (германские наступления 1918 г.) и последовательные прорывы фронта в различных взаимосвязанных направлениях (англо-французские наступления 1918 г.) [11, с. 161].

Опыт Первой мировой войны показал, что основными путями выхода из «позиционного тупика» являются: внезапность (сохранение в тайне планов и замыслов предстоящих действий); скрытное создание ударной группировки; массирование сил и средств на НГУ (сужение полос действий частей и соединений; эшелонирование войск); применение новых способов ведения боевых действий; применение новых средств вооруженной борьбы (танков, химического оружия, огнеметов); изменение сроков проведения артподготовки или полный отказ от ее проведения; скрытый маневр силами и средствами и другие [12, с. 26 —27].

Эти пути прорыва позиционной обороны в последующем развивались и успешно применялись в годы Второй мировой войны, в локальных войнах и вооруженных конфликтах послевоенного периода. И в современных условиях описанный опыт также является актуальным. Следовательно, правильно понять какое-либо явление современной вооруженной борьбы можно лишь при условии исторического подхода — выяснения его возникновения и развития и, безусловно, в связи с конкретными условиями.

Библиографический список

1. Военный энциклопедический словарь. — М.: Эксмо, 2007. — 1024 с.
2. История военного искусства / В.Ф. Воробьев [и др.]; под общ. ред. В.Ф. Воробьева. — М.: Воениздат, 1961. — 397 с.
3. Иминов, В.Т. Эволюция военного искусства в годы Первой мировой войны / В.Т. Иминов // ВИЖ. — 2004. — № 8. — С. 2—9.
4. Фролов, Б. Развитие тактики наступательного боя русской армии в Первую мировую войну / Б. Фролов // ВИЖ. — 1981. — № 6. — С. 65—70.
5. Лефевюр, В. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны / В. Лефевюр. — М., 1926. — 183 с.
6. История военного искусства / А.А. Строков [и др.]; под общ. ред. А.А. Строкова. — М.: Воениздат, 1966. — 655 с.
7. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914—1918 гг.) / А.А. Строков. — М.: Воениздат, 1967. — 711 с.
8. Советская военная энциклопедия. — М.: Воениздат, 1979. — 687 с.
9. Вооруженные силы и военное искусство / А.А. Строков. — М.: Воениздат, 1974. — 615 с.
10. История военного искусства: учеб. / А.Г. Первов [и др.]; под общ. ред. А.Г. Первова. — Монино: Воен.-воздуш. акад., 1987. — 494 с.
11. Смирнов, П.С. Прорыв укрепленной полосы / П.С. Смирнов. — М.: Воениздат, 1941.
12. Базанов, С.Н. Выход из позиционного тупика. Брусиловский прорыв как крупнейшее достижение русского военного искусства / С.Н. Базанов // История. — 2010. — № 5 (891). — С. 23—27.

Устименко Александр Владимирович

*Национальный университет обороны Украины им. И. Черняховского
(Киев, Украина)*

**РОЛЬ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ПРИ
ПОДГОТОВКЕ К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ**

В конце XIX — начале XX в. военная мысль одним из важнейших элементов оперативного оборудования театра военных действий считала крепости. В Российской империи была создана система крепостей в Виленском, Варшавском, Киевском и Кавказском военных округах, а также отдельные крепости других военных округов.